

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ, ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ, СУБЪЕКТА

К. А. Абульханова

Исследования проблемы личности в отечественной психологии, еще недавно отстававшие от широко известных в мире исследований и концепций личности, на наш взгляд, сегодня обнаруживают определенные преимущества. Парадоксальным образом те исследования, которые в отечественной науке начались позднее, представляются более плодотворными. Это происходит не в силу того, что они опирались на уже существующие концепции личности, но в силу большей возможности соотнесения концепций разных авторов в закрытом российском обществе, в силу этого более острого представления о расхождении теории личности и ее *реального бытия* в отечественном социуме, в силу исторически сложившегося философского склада научного мышления и иногда догматизированной, иногда – глубоко диалектической методологии отечественной психологии.

Опуская идеологизированное и описательное определение личности как единства социального и биологического 1950-х годов, можно констатировать, что ее изучение сводилось к исследованиям личности ребенка, а теоретически (даже уже в конце 1960-х годов) – к определению ее структуры (имеющей разными авторами по-разному трактуемое соотношение уровней), или к теории черт. Акцент на индивидуальность был фактически «сквозным» в определении личности как «устойчивого психического склада». Эти и другие представления, даже несмотря на добавление эпитета «динами-

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 12-06-00857 «Принцип субъекта в онтологической и методологической интеграции психологии».

ческий», отвечали *статистическому* подходу к личности, несмотря на ориентацию психологии в целом на проблему развития¹.

Наряду с подобной теорией личности параллельно и независимо существовало проблемное поле исследования личностных «составляющих» – мотивации, характера, способностей и т. д. (хотя мотивация и способности значительно больше связывались с деятельностью). Однако и в этом направлении исследования (для достижения научности) отличались или стремились к стандартизации. Типология темпераментов перерастала в типологию характеров, скорее, сходную с в то время не известной большинству психологов типологией Э. Шпрангера, чем с классификацией А. Ф. Лазурского. Способности классифицировались на музыкальные, математические и т. д. (Б. М. Теплов, В. А. Крутецкий и др.)², а *мельком брошенное* замечание об их индивидуализации, о том, что одни и те же способности осуществляются психологически различными механизмами, не становилось предметом осмысления и исследования.

Исключение составляли возникшие в 1930–1940-х годах теории личности: С. Л. Рубинштейна, разрабатывавшего проблему ее психологического «облика», движущих сил, диалектическую концепцию развития личности ребенка; В. Н. Мясищева, выделившего систему отношений к миру (к другому, к деятельности и т. д.), установившего их позитивный или негативный, активный или пассивный характер и тем самым подошедшего к проблеме их *индивидуального ансамбля* и способа выражения; Д. Н. Узнадзе, поставившего кардинальную проблему *объективации* личности. Исключение составляло также

- 1 Практически в единственной концепции В. Н. Левитова раскрывалась сложная функциональная сущность психического склада личности, что позволило учесть его индивидуализированность. В характеристику направленности личности он включал осмысленность, рассудительность, эмоциональность, волевую устремленность, даже энтузиазм, а определяя ее силу, подчеркивал глубину, устойчивость и одновременно гибкость, определенность, целостность, выявляя тем самым многообразие индивидуализированных механизмов функционирования психического склада человека.
- 2 Радикальный взгляд на динамически функциональное, преодолевавший статичность тепловской методологии, был гениально реализован В. Д. Небылицыным, выявившим функциональные возможности (и ограничения) типов темпераментов и утвердившим представления о функциональных преимуществах темперамента меланхолика (Небылицын, 1990).

представление об индивидуальности как высшем уровне развития личности (Б. Г. Ананьев, С. Л. Рубинштейн).

Изучение индивидуальности в значительной степени связано с исследованиями ее психофизиологических основ, индивидуальных различий (школа Б. М. Теплова) и «способностей». Таким образом, способности были основным связующим звеном между личностью и индивидуальностью. Исключение составляло также представление об индивидуальности как *высшем уровне развития личности* (Б. Г. Ананьев, С. Л. Рубинштейн).

В 1960-х годах, параллельно и независимо от статично-структурного подхода к личности, школой С. Л. Рубинштейна была интегрирована его концепция философской антропологии, философии жизни и личности как субъекта. На этой основе начали разрабатываться проблемы жизненного пути и развития личности (Л. И. Анцыферова), ее потребностей (И. А. Джидарьян, Г. С. Тарасов), способностей (Т. И. Артемьева, А. М. Матюшкин), самосознания (И. И. Чеснокова), получил развитие личностный подход в исследованиях сущности мышления (А. В. Брушлинский и др.).

Это направление далее разрабатывалось на основе субъектного подхода в определении предмета психологии и теории личности как субъекта деятельности и жизненного пути (Абульханова, 1973; Абульханова-Славская, 1980).

Радикально поворотным этапом в научном определении индивидуальности стала теория интегральной индивидуальности В. С. Мерлина, которая, однако, не была достаточно ясно соотнесена с теорией личности. *Интегральность* явилась тем понятием, посредством которого можно было научно квалифицировать индивидуальный характер внутренней организации личности (Мерлин, 1986). Однако статичный подход к определению интегральности, сводящийся к сложному количественному подсчету соотношений между разными уровнями, не давал возможности раскрыть *динамические* особенности индивидуальности, которые связаны с *функционированием личности*. Иными словами, связь индивидуальности и личности можно было найти путем раскрытия динамического функционального характера. Дальнейшее развитие теории интегральной индивидуальности (при так и оставшемся непроявленным ее соотношением с личностью) в концепции *мета-индивидуальности* (Дорфман, 1993) не привело к интеграции личности и индивидуальности.

Ее осуществили представления о разных *механизмах* организации и функционирования личности в качестве индивидуальности.

Первый – вышеназванный механизм интеграции, *второй* – механизм обобщения, *третий* – саморегуляция. Механизм обобщения как присущий способностям и характеру личности был распространен С. Л. Рубинштейном из области психологии мышления в область проблематики способностей и характера, сущность которых он связывал с обобщением (Рубинштейн, 1957). Развивая эту идею, мы рассмотрим ее далее как основной механизм функционирования личности в качестве индивидуальности и субъекта.

Механизм саморегуляции был исследован О. А. Конопкиным и его школой (Конопкин, 1980) в казалась бы далеко обстоящем проблемном пространстве сенсомоторной деятельности¹. Следствием его открытия был *отход от статичного представления о личности с инвариантным соотношением уровней ее организации и переход к функционально-динамическому*, более того – к предполагающему субъектную интерпретацию, поскольку саморегуляция осуществляется (в основном) самой личностью. В последние годы саморегуляция продолжала исследоваться преемницей О. А. Конопкина В. И. Моросановой в той же лаборатории в контексте субъектного подхода к индивидуальности личности.

Саморегуляция (как видно из самого понятия) осуществляется личностью как субъектом, организующим текущие психические состояния или контур общей активности (в деятельности или общении) в индивидуальной и каждый раз *варьируемой композиции* своих природных, сознательных и собственно личностных свойств. Эта композиция создается под ситуацию или задачу функционирования личности и имеет своей «целью» оптимальное сочетание, взаимокомпенсацию и т. д. составляющих, более удобное или легкое для личности, безотносительно к статично выделенным уровням

1 Параллельно и независимо механизм саморегуляции был выявлен В. Д. Небылицыным как одна из составляющих индивидуальности человека наряду с активностью и направленностью. Мы же, опираясь на рубинштейновскую концепцию субъекта, считаем активность его главным критерием, а рассматривая личность в качестве субъекта, выделяем в ее активности притязания, саморегуляцию и удовлетворенность (семантический интеграл, который носит ценностный характер). Первым к понятию саморегуляции обратился Н. С. Лейтес, но в силу его абонированности биологией проблема не получила развернутой психологической интерпретации. Лишь позднее это понятие, как и понятие активности (также связанное с биологией), ряд психологов (Э. А. Голубева, А. И. Крупнов и др.) включили в свои типологии личности.

организации¹. Как мы выявили в исследовании, основанном на такой интерпретации открытия О. А. Конопкина, на разных этапах осуществления личностью деятельности или более широко решения жизненной задачи в качестве ведущего (системообразующего, по Б. Ф. Ломову) механизма выступает последовательно то мотивационный побудитель, то эмоциональный, то интеллектуальный, то, например, к концу деятельности (в силу усталости) – волевой. И наоборот: решение задачи, вызванное необходимостью, может начинаться с эмоционального состояния, связанного с волевым усилием (раздражение), которое затем сменяется привычным способом деятельности, сочетающимся с интеллектуальным отслеживанием адекватности стереотипа и его коррекцией при несоответствии и заканчивается эмоциональным удовлетворением.

За последние годы в отечественной психологии актуализация проблемы индивидуальности привела к *полифонии* концепций индивидуальности, связанной с ее рассмотрением в разных контекстах – соотношения внутреннего и внешнего мира, культуры, онтогенеза, глубинной психологии личности, экзистенциальности и т. д. (Субъект и личность..., 2007; Психология индивидуальности..., 2009). При разнообразии этих подходов доминирует системный подход, интегративный принцип индивидуальной организации и субъектный подход (школы С. Л. Рубинштейна и других психологов). В каждой из приведенных концепций дается исторический анализ проблемы индивидуальности в мировой психологии (в силу чего мы лишь кратко обозначили непосредственно относящиеся к нашей теме исторические данные и авторов исследований индивидуальности).

Не ставя перед собой задачу ни интеграции, ни сравнения, ни тем более обобщения этих разнообразных, разноаспектных подходов, мы ограничиваем свой анализ проблемой соотношения личности и индивидуальности, исходя из *субъектного и психосоциального подходов*. Последний дает возможность не только соотнесения объекта изучения и его модели и понятия, но раскрытия некоторых типичных особенностей российской личности и индивидуальности. Как мы неоднократно отмечали, проблема личности презентуется в *трех* качествах: реальной личности – объекта научного изуче-

1 Здесь речь идет не об интегральной индивидуальности, а об *интегрирующей способности личности*. Саморегуляция, осуществляющая эту интеграцию, отличается гибкостью, вариативностью, импровизационностью. Она обеспечивает целостность личности в процессе ее функционирования.

ния, обладающего качеством субъекта (онтологическое качество), *имплицитных теорий* личности (т. е. присущих обыденному сознанию, менталитету того или иного общества или эпохи *представлений* о личности) и собственно научных теорий (или, как сегодня принято говорить, моделей) личности. Эту диаду или триаду отмечают сегодня и другие психологи (например, Е. Ю. Коржова).

Исходной посылкой нашего исследования является положение о том, что личность и индивидуальность неоднократно проявляются в разном качестве на разных этапах онтогенеза и жизненного пути, поэтому изменяется их соотношение и развивается способ их связи.

Второй посылкой является утверждение, что происходящее онтогенетически и выявляемое в исследовании онтогенеза развитие личности и изменение ее модуса отличается от ее становления и развития в жизненном пути (хотя онтологически это единый процесс). Поэтому качества личности, связанные с индивидуальными этапами этого пути, с жизненной позицией, линией жизни, ее перспективой и смыслом, *не совпадают* с типичными в рамках онтогенетического подхода этапами и качествами. Основное различие этих направлений исследования связано с тем, что при онтогенетическом подходе только в самое последнее время личность стала определяться как субъект (Е. А. Сергиенко)¹. С этим связаны сегодняшние трудности и расхождения в трактовке понятия субъекта и его соотношения с личностью, которые исходят из *разных контекстов*.

На наш взгляд, существенна последовательность изменения качеств и личности, и индивидуальности на протяжении жизненного пути.

Выделение его исходного момента осуществлено, на наш взгляд, К. Г. Юнгом в его концепции *индивидуации*. Началом индивидуального существования и его основой являются *архетипы коллективного бессознательного* (разумеется, присущие природной организации новорожденного индивида), воплощающие и наследующие опыт множества человеческих поколений, в том числе и родителей,

1 Несмотря на то, что Б. Г. Ананьев ввел понятия субъекта деятельности, субъекта познания и субъекта общения, они скорее выполняли задачу дифференциации познания, деятельности и т. д., чем раскрывали способ осуществления субъектом деятельности, общения, познания. Напротив, понятие личности как субъекта жизненного пути раскрывает не типические особенности последнего (которые выделены по разным основаниям В. Д. Дружининым), но активность личности и способы организации ею этого пути.

синкретично соединенные с Эго, Я, наделенное *потенциальной* личностной сущностью и ее импульсом развития. Эго¹ – это *первичная форма экзистенциальности человеческого существа*². Не вдаваясь в дискуссии о том, появляется ли личность и даже субъект «сразу», т. е. с явлением его бытия, или же субъект «появляется» раньше личности (и наоборот), которые связаны скорее с содержанием этих понятий, чем с онтологической реальностью, можно отметить, что это *определение* Юнгом индивидуации *согласуется* с понятием *самоактуализации личности* (Маслоу, 1997). Личность способна актуализировать лишь нечто уже *потенциально существующее*. *Самоактуализация* – это момент *становления* природной индивидуальности, или человеческого природного индивида, его *Эго – личность*.

Если признать, что в самоактуализации проявляется *самодеятельность* (по С. Л. Рубинштейну), то можно согласиться с утверждением А. В. Брушлинского об *изначальности субъекта* и интерпретировать самоактуализацию как *первичное проявление субъектности*. Во всяком случае, представляется, что исходная индивидуальность (Эго, самость), *потенциальная* и затем *реальная личность* и ее субъектность, проявляющаяся в *само-актуализации*, т. е. активности, *обращенной на себя*, осуществляющей *свое становление*, – *не находятся в одной «плоскости» в синкретичной связи*. Их связи *действены*, т. е. экзистенциальное Эго обладает *стремлением* к актуализации. Согласно теории индивидуации Юнга, *потенциальная личность* обладает способностью *самоосуществления*: личность становится субъектом самоактуализации. Эго как *бессознательная индивидуальность* проходит по *мере развития личности разные стадии становления* – неосознаваемую, осознаваемую, сознательную. Но само Эго в отличие от самосознания – *непосредственная данность бытия своей индивидуальности* (Кургинян, 2010). Поэтому Эго – не только сохраняющееся неизменным на протяжении жизни статичное ос-

- 1 Понятие самости здесь отличается от юнговской его трактовки как архетипа (Юнг, 1995).
- 2 Хотя это утверждение о первичности Я противоречит точке зрения С. Л. Рубинштейна о его появлении только соотносительно с Другим (своеобразной дифференциации от Другого или актуализации Я Другим), мы предполагаем, что *качество Я* и *соотношение с Другим* – появляется позднее и может быть связано уже с актуализированным неосознаваемым Я, что снимает противоречие с концепцией Юнга. Изначально Я обладает экзистенциальностью, носящей *уникальный характер*.

нование *идентичности* личности как индивидуальности, но и *побудитель* своеобразия, «*движущая сила*» ее существования и *самоосуществления*. Не случайно все последующие этапы развития личности как индивидуальности – *самовыражение*, *самореализация*, *самоутверждение*, *самодетельность*, *саморегуляция*, *самосознание* и т. д. – начинаются с *само-*. И не случайно С. Л. Рубинштейн в труде «Человек и мир» (Рубинштейн, 1997) утвердил существование механизма *самодетерминации*.

Самоактуализация осуществляется личностью в *одновременно* начавшемся процессе ее *взаимодействия с действительностью*, что и ведет к *разотождествлению и становлению в новом качестве*. При этом личность актуализирует преимущественно те индивидуальные особенности, которые требуются для этого взаимодействия, чтобы оно осуществлялось оптимальным для нее образом. Своеобразный «инстинкт самосохранения», которым обладает все живое, проявляется в первичном наивном «*эгоцентризме*» личности, который Ж. Пиаже приписал более позднему этапу ее развития, вызвав возражения С. Л. Рубинштейна¹.

Целостность (вероятно, еще синкретичная) личности как индивидуальности возникает и *проявляется* на определенном этапе развития в ее характере. Исторически характерология и стала началом изучения личности в психологии. Но развитие характерологии пошло в направлении типологизации характеров по разным, еще достаточно внешним для личности основаниями (например, типология Э. Шпрангера, соотносящая тип личности и характера с культурой, религией и т. д.). При этом утрачивалась индивидуальная особенность характера, обеспечиваемая первоначально разнообразными природными, темпераментальными и другими экзистенциальными механизмами. И в этом отношении выгодно отличается изучение характера А. Ф. Лазурским, делавшим акцент на его внутренних механизмах (Лазурский, 1924).

Характер на начальных этапах развития личности, еще не аккумуляруя ее сущности, выражает способ *самоосуществления* личности в ее *взаимодействии с действительностью*. Такое понимание существа характера сформулировал С. Л. Рубинштейн, когда привлек

1 Не случаен тот плач или крик ребенка, который вызывает тревогу родителей, – самое первичное его выражение того, что взаимодействие с действительностью осуществляется неудовлетворительным для него образом; его возражение, свидетельствующее о способности переживания оптимальности для себя действий окружающих.

понятие обобщения для объяснения механизма его формирования. Не повторяя его, ставшего классическим, рассмотрения пути превращения поступка в черту характера (Рубинштейн, 1946), важно отметить, что в характере обобщаются индивидуально существенные для личности способы ее активности. Это стадия разнообразных способов самовыражения личности как индивидуальности, приобретающей путем обобщения в характере свое целое. Определение же личности через «устойчивый психический склад» ограничено тем статическим подходом и охватом в определении в основном психического уровня организации, тогда как характер – это и деятельная, и уже ценностная и интегрирующая инстанция личности. Конечно, понятие «склад» учитывает (особенно в концепции В. Н. Левитова) индивидуальность личности, но не раскрывает ее особенностей, проявляющихся в функционировании.

Подход С. Л. Рубинштейна к личности как функционирующей системе был радикальным прорывом в сравнении с методологией статично-структурного определения, которое, как было выше отмечено, продолжало сохраняться до 1970-х годов (если не более) параллельно и независимо от рубинштейновского, свидетельствуя о непонятности и нереализованности последнего.

Обеспечиваемая характером целостность личности не означала ее сведения к закрытой системе, но фиксировала ее определенность и способность выразить, осуществить эту определенность в своем функционировании. В этом одновременно участвуют и кратко обозначенные выше механизмы – интеграции, обобщения и саморегуляции, обеспечивающие целостность, индивидуальную специфичность и динамичность самоорганизации личности.

Следующим (выделяемым в порядке теоретических абстракций) этапом развития является функционирование личности как открытой интерактивной системы. Как отмечалось выше, радикальным переворотом в изучении личности было осуществленное С. Л. Рубинштейном преодоление структурно-статического взгляда на личность (по своей метафизичности сравнимого с представлением о земле как полусфере, стоящей на трех слонах) и выявление ее функционально-динамического определения и интерактивной сущности. Уже его известный тезис 1920-х годов о развитии личности в деятельности был реализацией такого диалектического понимания ее инобытия. Многие отечественные авторы высказывали мысль о «выходе личности за свои пределы», однако она так и оставалась предположением.

Между тем, этот «выход» заключается в построении ею *отношений* к другим людям, общностям, социуму, культуре, к профессиональной деятельности, миру в целом. Данные отношения и взяла за основу своего определения личности В. Н. Мясищев, вплотную подойдя к индивидуальности личности благодаря различным характеристикам *качеств этих отношений* (как положительных, так и отрицательных, активных и пассивных и т. д.), разнообразное сочетание которых и составляет индивидуальность личности. Но понимание этих отношений еще не выходило за пределы статичного подхода к личности, хотя фактически намечало присущую ей *субъектность*. С точки зрения функционального подхода – это не только отношения, но и *взаимоотношения, взаимодействия-интеракции*.

Очевидно, что взаимодействие личности с действительностью начинается на самых первых этапах ее жизни. Наш анализ первоначального качества личности как своеобразной «закрытой», а позднее как «открытой» системы представляет собой последовательность не столько реального, сколько *теоретического характера* для более четкого разграничения *внутренней самоорганизации личности и организации взаимодействия* с другими системами и *соотношения* внутреннего и внешнего. Но и в действительности первоначальное взаимодействие с матерью, другими окружающими и предметами носит характер поддержания существования и развития (способностей речи, самостоятельного передвижения и т. д.). *Взаимодействие* же взрослеющей, а затем и взрослой личности с действительностью, выходящей за пределы пространства ее детства, подростковости и т. д., ее выход в социальный мир – уже регулируется *познанием, сознанием* человека и его ценностями и выражается в поведении и поступках. Нужно отметить, что Б. Г. Ананьев, разрабатывая онтогенетическую концепцию развития человека, дал очень глубокое и интересное определение *зрелости личности*, которое, однако, не достаточно раскрывало способы ее *взаимодействия* с миром. Рассматривая понятие субъекта деятельности, субъекта общения и т. д., он не определил личность как субъекта своей жизни в целом (Ананьев, 1968). Эти взаимодействия и взаимоотношения сопровождаются формированием *ценностей личности* – *обобщений* уже того, что *существенно для нее* в этих интеракциях, т. е. *существенно для ее индивидуальности* и жизни в целом. Здесь проявляется ее индивидуальный способ *самореализации*, при том, что большинство ценностей является общим для всех людей, но их индивидуальное содержание (ансамбль позитивных и негативных ценностей), даже сочетание в различных менталитетах, разнообразно.

Первичные обобщения личности *экзистенциально* осуществляются переживаниями, жизненные обобщения – идеально, т. е. сознанием. В ценностных обобщениях сознание фиксирует существенные для личности взаимоотношения, интеракции, поступки и т. д. и как *индивидуальности*, и как включенной в *социальные сферы* действительности, и как *осуществляющей свой собственный жизненный путь*.

Саморегуляция при объективации (Д. Н. Узнадзе) может подлежать *типизации* в силу общности интеракций для всех моделей, но она в то же время *индивидуализирована* – как выработка своих отношений, как установление, развитие, изменение своих взаимоотношений с другими, с общностями (семейными, профессиональными, культурными) и как способы их осуществлений относительно со *своей* жизнью. В контексте этой индивидуализации и раскрываются и реализуются ее притязания (как личностно преобразованные потребности и мотивы), ее направленность, ее достижения и ее смыслы, начиная от парциальных и кончая обобщенным смыслом жизни. Они реализуются способами, *функционально оптимальными для личности* (с точки зрения ее ценностей, притязаний, жизненных смыслов) и *самого взаимодействия* или же *функционально деструктивными*, что ведет к возникновению противоречий либо к деформации самой личности.

Определяя личность, становящуюся субъектом своей жизни, мы стремились выявить и ее *новое качество*, и ее новые *жизненные способности*, которые обеспечивают ее индивидуальную определенность уже *в самой жизни*, и те неизбежные противоречия между индивидуальным и социальным (в самом широком смысле), которые ей приходится решать в виде конкретных жизненных проблем (данные противоречия, на наш взгляд, не обязательно связаны с возрастными этапами и кризисами, выявленными Э. Эриксоном (Эриксон, 1997)). Они возникают при любых изменениях обстоятельств жизни и самой личности. Позитивные, конструктивные решения проблем являются индивидуальными жизненными *достижениями*, которые отличны от фиксируемых так или иначе профессиональных, «карьерных» достижений, даже от достижения жизненного благополучия. Личность в качестве субъекта *присваивает* эти жизненные достижения, умножая свои жизненные силы, развивая свои *жизненные способности*. К числу последних мы отнесли сознание, активность и способность к организации времени. А в интеграл активности включили притязания, саморегуляцию и удовлетворенность

личности (несколько расширив и видоизменив тем самым формулу К. Левина и Ф. Хоппе «притязания–достижения»), поскольку отнюдь не любые достижения, даже оцениваемые социально позитивно, имеют для личности ценность и смысл.

Как функциональная система личность не только осуществляет внутреннюю самоорганизацию, которая обеспечивается саморегуляцией, но организует и свой способ взаимодействия с действительностью, миром, обществом, пролонгированное осуществление которого и представляет собой ее *жизненный путь*. Этот способ организации *интегрирует* и мировоззренческие, обобщающие способ жизни чувства (по С. Л. Рубинштейну), ценностно-сознательные, ценностно-смысловые и практические (коммуникативные, поведенческие, деятельные и др.) механизмы. *Интегативность индивидуальности* – первичная основа смыслообразования, система же смыслов, в свою очередь, является первой *почвой самосознания*. Сохраняющаяся неопределенность понятия «смысл» (несмотря на интересные исследования в этом направлении Д. А. Леонтьева) связана, на наш взгляд, с недостаточной разработанностью проблемы индивидуальности. Опыт самоорганизации и реорганизации жизненных отношений, условий, событий и обстоятельств развивает особое качество индивидуальности – ее *способность жить*, меру совладания (в широком смысле, в отличие от частных копинг-стратегий) с жизненными трудностями и неудачами. *Качество личности как субъекта* заключается не только в способности самой личности использовать свои природные, психические, личностные ресурсы, но в *способности использовать свой личностный индивидуальный потенциал* (всегда особенный, неповторимый) и в обобщении чувства движения жизни. Причем *мера становления личности субъектом* жизни является и критерием ее совершенствования как индивидуальности (что отвечает определениям Б. Г. Ананьева и С. Л. Рубинштейна).

Так проблема индивидуальности личности решается через выявление механизмов *интегральности, саморегуляции и обобщений*, присущих *каждой* личности, с одной стороны, и как достижение высшего уровня развития *отдельными* личностями – с другой. Это последнее значение совпадает с обыденным представлением о том, какая личность действительно является *индивидуальностью*.

Личность на *новом уровне* интегрирует и создает индивидуальную *композицию жизненных отношений*, устанавливая в те или иные периоды жизни ведущую роль одних, обесценивая другие, обнару-

живая противоречивость третьих. Это соотношения во всех значениях данного понятия: и как отношения к *чему-либо или кому-либо*, и как отношения *с кем-то*. При этом *интеграция* осуществляет своеобразную интерпретацию ценности, достижений или потерь – итоговое резюме «результатов» этих отношений. На основе этого резюме личность совершает самооценку своего *способа* жизни, который реализовался через эти (и такого рода) отношения.

Она интегрирует и те свои составляющие, которые С. Л. Рубинштейн выделил как ее основные движущие силы, механизмы и способы самореализации: хочу, могу и Я сам – потребности – мотивы, способности и характер. Их осуществление в жизни – согласованное или противоречивое, успешное или неудачное, поверхностное или «полнокровное» – на основе обратной связи, результатов самореализации, личность также осмысливает и в категориях характера жизни, и в обобщенном представлении о своем Я. Эти интеграции и обобщения, осуществляемые сознанием¹, эти функциональные *способности сознания* служат основой жизненной позиции личности и ее реализации в линии жизни. Если не удастся осуществить их интеграцию, то преобладание в таком жизненном самосознании опоры на потребности или на способности и приводит к выделенной

1 Нами было сформулировано положение о решающей роли (своеобразном КПД) способности сознания (Абульханова, 2009). Это не только общеизвестная способность сознания к регуляции деятельности, – она играет *личностно-жизненную роль совладания* (как сейчас принято говорить, копинг-стратегии), но не с отдельными ситуациями, а с качеством, с уровнем жизни в целом. Оно же решает жизненные противоречия, кардинальные для жизни личности проблемы (или же неспособно их решать). Мы это попытались определить, опираясь на весь опыт психологии, те составляющие сознания и тот интеграл, его разрешающие возможности, от которого зависит жизне- и дееспособность личности. В этот комплекс вошли способность к решению проблем (ее уровень) (Белицкая, 1993), старые и новые ценности (т. е. психосоциальный параметр) (Лапин, 2010) и «оптимизм–пессимизм» (по методике польских психологов (Zaleski, Chelewiriski, Lens, 1994)). Была выявлена фундаментальной важности закономерность. Каждый тип личности обладает различной по своей «эффективности» «молекулой» сознания, в которой разного уровня и качества составляющие связаны индивидуально различным образом. Одни способы связей суммируют, повышают продуктивность сознания, другие, противореча друг другу, создают *негативный эффект* – его пассивность, что и обуславливает активность/пассивность личности.

Э. Фроммом дифференциации личностей по способу жизни «быть» или «иметь» (Фромм, 1990).

Представляется, что при общепринятости (в советское время) положения об ответственности общества за удовлетворение потребностей соотносением личностью, достигшей определенного уровня развития, своих способностей и потребностей приводит к тому, что обозначается как *самоопределение*. Ему приписываются самые разные значения; в нашем же понимании – это своеобразная «самодостаточность», значительная независимость личности от жизненных обстоятельств, ее автономия (не путать с индивидуализмом) как умение удовлетворить свои потребности своими *способностями*, в широком смысле – *своими силами*.

Способ жизни или *жизненная позиция* содержит в себе определенную индивидуальную смысложизненную направленность личности: это опора на свои силы, самоорганизация, самостоятельность, надежда на помощь, поддержку, одобрение других людей или же установка на использование других людей для своих достижений. Кроме этапа самореализации, ряд авторов выделяет понятие, раскрывающее способность личности к *самоутверждению*. Если рассматривать последнее как развивающееся у личности *подтверждение* ее состоятельности (как выразился В. В. Давыдов, «личностью надо выделяться», а А. А. Деркач – «состояться»), адекватности своей жизни своей личности (ее способностям, возможностям, потребностям), удовлетворенности своими достижениями, сохранностью и развитием своей идентичности, – то это значение приемлемо и существенно для гуманистической психологии. Самоутверждение есть личностное положение в этом мире, уже обеспеченное личностно-психологически, профессионально и т. д., т. е. положение *состоявшейся* личности. Это соответствует распространенным в зарубежной психологии следующим определениям: личность есть то, что ей удалось *сделать из себя* при данных обстоятельствах жизни и одновременно – это такая ее достойная жизнь, которую она сама *смогла прожить* при данных ей возможностях и объективных обстоятельствах. В имплицитных теориях обыденного сознания это выражается в представлениях о «не зря прожитой жизни» и т. д. Однако надо отметить, что если самовыражение и самореализация осуществляются всеми и свойственны *всем* личностям (при индивидуальном способе этого осуществления), то *самоутверждение* – в данном смысле – свойственно только личности как субъекту своей жизни. Такая личность освобождается от поглощенности своими

потребностями, своими успехами и проявляет заботу о других людях, оказывая им помощь и поддержку, берет на себя ответственность за решение значительных социальных проблем, за состояние науки, образования и т. д.

Понятие самоутверждения приемлемо в смысле уверенности в себе, осознания своих жизненных сил¹. Если же рассматривать самоутверждение как утверждение *приоритета своей личности по отношению к другим*, к общности, как использование других людей и социальных ресурсов для достижения своих целей, то это понятие, по сути, приближается к индивидуализму².

Можно трактовать самоутверждение и как утверждение личностью своей *индивидуальности* в самосознании, в способе жизни и в социальном контексте. Но это самоутверждение только тогда является утверждением своей подлинности и *подлинности* своей жизни, если ею обобщены и интегрированы ее жизненные отношения, ценности и смыслы, если *реально достигнут индивидуальный способ жизни* в данном социуме. Это индивидуальность в высшем смысле слова (в трактовке Б. Г. Ананьева и С. Л. Рубинштейна).

Совпадает ли с таким пониманием индивидуальности качество личности как субъекта жизни? Если бы мы действительно придерживались определения субъекта только согласно аксиологическому критерию (как полагают некоторые), т. е. считали субъектом личность, достигшую вершин своего развития и жизненных вершин, то понятия индивидуальности как высшего уровня развития личности и субъекта как оптимальной самореализации личности могли бы совпасть (или быть максимально сближены). Поскольку мы выделяем и ряд других критериев определения субъекта, таких как способность разрешения противоречий, ответственность, способность к использованию всех природных, психических, личностных возможностей (о первом значении использования психических способностей как средств писал еще Л. С. Выготский, о последнем – С. Л. Рубинштейн) и т. д., категория личности как субъекта жизненного пути отнюдь не совпадает с типом успешной личности,

- 1 См. статью С. Л. Рубинштейна 1922 г. о Германе Когене (Рубинштейн, 1997, с. 138–160).
- 2 Исследование самоутверждения Н. Е. Харламенковой в лаборатории психологии личности ИП РАН в первом его значении выявило важные механизмы, которыми оно достигается, и его существенную роль во взаимоотношениях с другими и в отношениях к другим (Харламенкова, 2000).

а соотношение личности как субъекта и индивидуальности требует еще дальнейшего исследования и определения. Мы выявили характер их связи (не исчерпывающий, конечно, решения всей проблемы) и выделили понятие и механизм *наиболее высокого масштаба* (не по успешности, а по качеству жизни) – *стратегии* жизни. О стратегии своей жизни – «отступал, но не уступал» – писал С. Л. Рубинштейн, осмысляя и обобщая свой способ решения жизненных противоречий (Рубинштейн, 1960). Мы определили стратегию жизни как механизм или, точнее, *способность* субъекта приводить свой *способ жизни* в соответствие со своей индивидуальностью, смыслом жизни. Понятие стратегии предполагает и *индивидуализацию* (приведение жизни в соответствие со своей индивидуальностью) и *типологизацию* (выделение разных типов *стратегий*) (Абульханова, 1991)¹. Мы не останавливаемся здесь на понятии *стратегии жизни* (при всей его важности), поскольку ему посвящены и исследования, и многие обобщения, представленные в упомянутой монографии.

В завершение можно отметить, что в сегодняшнем психосоциальном контексте, при совершающихся в России резких социальных изменениях, совершенно нетипичным для других стран образом (как, впрочем, и все происходящее в России) возникает проблема индивидуализма как способа бытия личности, обособленного (в той или иной степени) от социума. В целом это большая социальная проблема, но в психологическом ее аспекте важно следующее. В тоталитарном советском обществе тенденция к индивидуализму как протестному самовыражению личности, диссидентству и т. д. реализовалась и личностями, достигшими высшего уровня своего развития и имевшими высокие, принятые обществом профессиональные достижения. На современном же этапе общественной жизни индивидуализм выражается в своего рода вынужденных формах отчуждения от социума и... самой личности. Эта отчужденность вызвана и социальным расслоением общества, и отрывом социальных систем от личности, ее благополучия, безопасности, самой

1 Как упоминалось в нашей монографии «Стратегия жизни», данное понятие и сами стратегии разрабатывались в ходе ведения войн (Ф. Энгельс). Стратегичность предполагала и пролонгированность определенного способа наступления/отступления, и расстановку сил на театре военных действий (в том числе приносящую в жертву одно подразделение, стягивавшее к себе все силы противника, чтобы выиграть время, сформировать большие силы для неожиданного удара в другом месте и т. д.).

жизни. Это своего рода «брошенность» личности, которая вынуждена сама справляться со всеми трудностями своей жизни. Данное положение у одних личностей актуализирует активность, «конкурентоспособность», у других – пассивность, беспомощность, страх. Возникли и проявления индивидуализма и в девиантных формах поведения, и в деструктивных типах личностей. Отчуждение личности от самой себя связано с преобразованием способа жизни (в отличие от фроммовских типов «иметь» или «быть») в способ существования, выживания, при котором невозможна личностная самореализация. Парадоксальность такой формы индивидуализма, прямо противоположной американской и западноевропейской, где индивидуализм связан с процветанием личности во всех отношениях, с высоким качеством жизни и т. д., – заключается в том, что это индивидуализм, т. е. социальное одиночество, сопровождающееся одиночеством личности, которое одновременно связано с ее обезличенностью, погружением в обыденность, отчуждением от культуры и других благ в силу... обнищания. С этим связаны распространение, в том числе и в СМИ, самых примитивных способов самовыражения личности (сексуальных, агрессивных), апологетика насилия, убийства и т. д.

В силу этого представляется огромным противоречием развивающаяся в гуманитарных науках (и в психологии прежде всего) гуманистическая отечественная традиция, теория и оптимальные модели личности как индивидуальности и субъекта и реальности бытия большого числа людей, по отношению к которым эти теории и модели оказываются утопиями. И решение проблемы не может лежать в области психологической поддержки личности, в силу несоизмерной малости этой поддержки массе бедствующего населения. Оно, увы, находится за пределами компетенции психологии. Однако усилия психологов, в том числе и исследователей, теоретиков, методологов, могут быть направлены на обнажение остроты этой проблемы для общественного (и государственного) сознания. Россия всегда была сильна своей народностью (при всей извечной бедности самого народа), поэтому осознание происходящей деформации общества является едва ли не самой важной проблемой российской государственности.

Таким образом, обобщая, можно еще раз уточнить определение индивидуальности: она «проявляется» в экзистенциальности самой личности и в особенностях личности в экзистенциальности и организации ей самой жизни в качестве субъекта.

Литература

- Абульханова К. А. О субъекте психической деятельности. М.: Наука, 1973.
- Абульханова К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
- Абульханова К. А. Сознание как жизненная способность личности // Психологический журнал. 2009. № 1. Т. 30. С. 22–43.
- Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980.
- Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л.: ЛГУ, 1968.
- Белицкая Г. Э. Типы проблемности социального мышления // Психология личности в условиях социальных изменений. М.: Институт психологии РАН, 1993. С. 75–80.
- Дорфман Л. Я. Метаиндивидуальный мир: Методологические и теоретические проблемы. М.: Смысл, 1993.
- Конопкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности. М.: Наука, 1980.
- Кургиян С. С. Проблема отношения к себе в психологии: от философско-психологических представлений к научной теории // Мир психологии. 2010. № 4. С. 41–53.
- Лазурский А. Ф. Классификация личностей. Л.: ГИЗ, 1924.
- Лапин Н. И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 28–36.
- Маслоу А. Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 1997.
- Мерлин В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.
- Небылицын В. Д. Проблемы психологии индивидуальности: Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1990.
- Психология индивидуальности: новые модели и концепции / Отв. ред. Е. Б. Старовойтенко, В. Д. Шадриков. М.: МОДЭК, 2009.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. 2-е издание. М.: Учпедгиз, 1946.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
- Рубинштейн С. Л. Дневники // Частный архив С. Л. Рубинштейна. Рукопись. 1960.
- Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.

-
- Субъект и личность в психологии саморегуляции: Сб. науч. трудов / Под ред. В. И. Моросановой. М.: Изд-во ПИ РАО; Ставрополь, Сев-КавГТУ, 2007.
- Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990.
- Харламенкова Н. Е. Анализ одной из стратегий самоутверждения личности в ракурсе проблемы «Я и Другой» // Проблема субъекта в психологической науке / Отв. ред. А. В. Брушлинский, М. И. Воловикова, В. Н. Дружинин. М.: Академический проект, 2000. С. 314–320.
- Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Аспект Пресс, 1997.
- Юнг К. Г. Архетип и психологические типы. СПб.: Ювента, 1995.
- Zaleski Z., Chlewinski Z., Lens W. Importance of an Optimism-Pessimism in Predicting solution to World Problems: an intercultural study // Psychology of future orientation / Ed. Z. Zaleski. Lublin, 1994. P. 207–227.